

УДК 008:316.42

С.А. Рафикова

СУБКУЛЬТУРА ИЛИ ПОДРАЖАТЕЛЬСТВО? СТИЛЯГИ СИБИРСКОЙ ПРОВИНЦИИ

Аннотация. На региональном материале рассматриваются вопросы системности, массовости и протестного характера движения стиляг.

Ключевые слова: стиляги, молодежная субкультура, культура повседневности, устная история, история моды, история Сибири

Сибирский стиляга
(из личного архива автора)

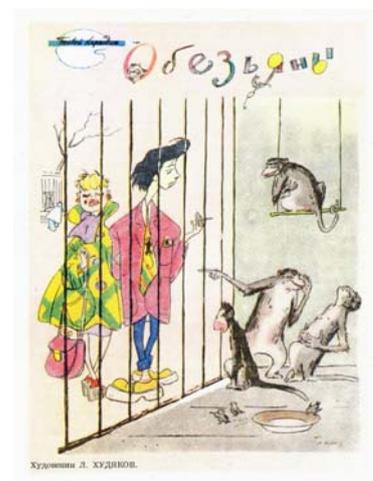

Иллюстрация к фельетону
«Обезьяны среди нас»

Галстук сбит и кок набриолинен
В клетку атомный пиджак.
Ничего, что он немного длинен.
Зато все говорят, что я – ЧУВАК!

Так, оденут некоторые штаны в облипку
и ботинки на высокой платформе – вот вам и стилияги.

Тема данной статьи вначале обозначилась спонтанно, в ходе пятилетней реализации авторского проекта «Живая история: Народные мемуары». В своих рассказах о времени полувековой давности респонденты упоминали о стилиягах. Нам показалось небезынтересным выделить проблему в специальный проект «Сибирский стилияга», предполагавший методом полуформализованного интервью собрать воспоминания представителей старшего поколения на заданную тему. Хотелось взглянуть на стилияг глазами не только их избранных столичных представителей, но и периферийного «безмолвствующего большинства».

С респондентами, считавшими себя в молодости стилиягами, были проведены глубокие интервью. Большую помощь в сборе информации оказали студенты, которые после соответствующего инструктажа «пошли в народ» выяснять: Кто такие стилияги? Докатались ли волны «стиляжничества» до сибирской провинции? Как стилияг воспринимало общество и сами информаторы?

В результате был собран большой «полевой» материал, потребовавший осмысления¹. В своих работах мы уже касались вопросов атрибутивной характеристики стилияг и отношения к ним провинциальных обывателей².

Традиционно стилияг называют представителями первой в СССР молодежной альтернативной субкультуры. Но при этом до сих пор нет четкого определения молодежной субкультуры, а само «стиляжничество» как феномен научно не исследовано. Не претендуя на философско-культурологические обобщения, мы лишь попытаемся на основе анализа эмпирического материала сделать заведомо дискуссионные выводы относительно того, являлось ли «стиляжничество» в его провинциальном варианте молодежной субкультурой? Без небольшого терминологического экскурса, учитывая «временную удаленность» явления, нам все же не обойтись.

Понятие «субкультура» (subculture) в научный оборот вошло сравнительно недавно, в середине 1980-х гг., и употреблялось в основном применительно к буржуазному обществу, причем в подчеркнуто отрицательном контексте. В настоящее время этим термином, очищенным от негативной коннотации, оперируют многие исследователи. В качестве наиболее употребительных его определений можно привести следующие. Субкультура – это «особая сфера культуры, суверенное целостное образование внутри господствующей культуры, отличающееся собственным ценностным строем, обычаями, нормами»³; это «частичная культурная подсистема внутри системы

«официальной», базовой культуры общества, определяющая стиль жизни, ценностную иерархию и менталитет (то есть мировосприятие, умонастроение) ее носителей»⁴ и т.п.

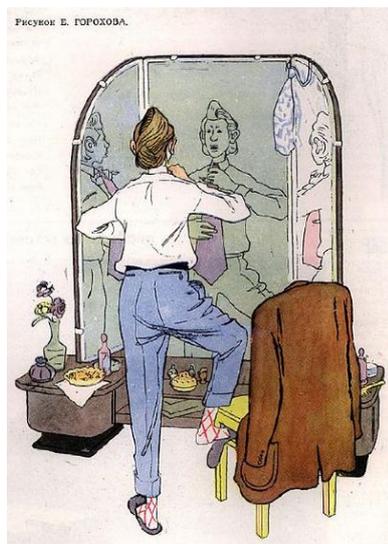
Во всех определениях, так или иначе, принципиально отмечается, что субкультура – это подсистема культуры (культура в культуре). Следовательно, она должна обладать системными признаками «праматери», и так же как базовая модель культуры, создавать некий образ мира, символически его обозначать, атрибутивно выражать причастность, принадлежность своих представителей к этому сконструированному миру. Следует также подчеркнуть, что генезис любой субкультуры должен изучаться в историческом контексте, в определенных пространственно-временных рамках. Более того, субкультуру следует исследовать в динамике, на фоне меняющихся реалий общественной жизни и с учетом того, что сама субкультура – динамичная система, проходящая через определенные фазы бытия: от зарождения и развития – до затухания и мемориала⁵.

Также представляется важным и продуктивным функциональный подход к анализу конкретных субкультур, которые по определению многофункциональны. При этом субкультура, будучи локальной проекцией, не обязательно должна быть «образом культуры в миниатюре», абсолютно воспроизводя все ее структуры и весь спектр функций. Принадлежность к субкультуре (как правило, временная) не означает для индивида полного разрыва с базовой культурой, в которую он включен первично и постоянно. Но данное уточнение отнюдь не отменяет **системности, динамичности и многофункциональности субкультуры**, как ее ключевых принципов.

Молодежные субкультуры обычно рассматриваются как проявление молодежной оппозиционности, нонконформизма по отношению к миру взрослых и к базовой культуре. Предпринимаются попытки их изучения в различных ракурсах: философском, социологическом, этнографо-культурологическом и других, что актуализирует проблему междисциплинарного исследования⁶. Примечательно и то, что чем глубже представители различных научных дисциплин исследуют феномен молодежных субкультур, тем больше возникает сомнений в правомерности использования данного термина; даже предпринимаются попытки заменить его более нейтральными формулировками вроде «молодежных культурных практик», «неформальных молодежных объединений», «тусовок» или «групп равных» (peer group).

Ограничившись кратким теоретическим пояснением, перейдем к живому материалу, позволяющему нам описать сибирских стилияг.

Кто такие стилияги? При ответе на этот вопрос информаторы практически единодушно выстроили шкалу доминирующих признаков.

Внешний вид (прикид, имидж, дресскод)

Разодеты все Вы словно попугаи.
 Перья в шляпах дикарей напоминают.
 Брюки дудочкой и толстая подошва,
 И болтается пальто как балахон.

Ай да парень-паренек!
 Накрутил он датский кок.
 Разобраться я не смог:
 Дама он иль паренек!

И сами стилияги, и сибирские обыватели, в качестве основной характерной черты называли специфическую одежду, обувь, прическу. Типичный стилияга остался в массовом сознании, в том числе и сибиряков, одетым в укороченные сильно зауженные брюки-дудочки, ширина которых понизу равнялась 21–22 см, (но некоторые особо стильные доводили ее до 18 см) и яркие рубашки. На ногах – полуботинки, прозванные за толстую бело-желтую каучуковую подошву «манной кашей» или туфли с зауженными носами. Стилиажными аксессуарами респонденты также называют клетчатые пиджаки, шляпы с полями, темные очки. Но счастливых обладателей этих атрибутов в Сибири было мало. Упоминание про галстуки, типа «пожар в джунглях» (с изображениями обезьян, пальм и другой экзотики), встретилось лишь однажды, в мемуарах «элитного» стилияги. А его собратья-земляки довольствовались в основном тонкими галстуками «селедками» и «шнурками», зачастую изготовленными самостоятельно.

Выделяла стилиягу из толпы и альтернативная прическа. В то время как официально принятыми мужскими стрижками считались «бокс» и «полубокс», с выбритым затылком, стилияги отращивали длинные волосы «под Тарзана», выставляли на голове кок, набриолинивая (или навазелинивая, поскольку бриолин был в дефиците) и взбивая его, а также, для пушей надежности, закрепляя сахарным сиропом. Классический кок на сибирском материале встречается довольно редко, в основном местные стилияги ограничивались отращиванием волос «сверх установленного

норматива» и начесом чубов. Из стрижек чаще всего называется «канадка». Женским вариантом стильной прически была «бабетта», с высоко поднятыми залакированными волосами, как у секс-символа Франции Б. Бардо в фильме «Бабетта идет на войну». Сооружение такой прически порою было не менее экстремальным занятием, чем выстраивание коков. В частности, встречаются сведения, что для создания нужной конструкции использовали не только вату, тряпки, конский волос... но даже – литровые банки! В качестве стильных женских вариантов причесок упоминаются также начесы, короткие стрижки под французенок и с челкой, «венчики мира» т. е. практически все, что являло собой альтернативу традиционным косам.

Музыкально-танцевальные пристрастия

Стиляга обращается к продавцу магазина грампластинок:
«Я просил у вас: буги-вуги, а вы мне дали Баха фуги!»

Музыкально-танцевальные пристрастия оказались на втором месте среди маркирующих признаков стиляг. Стиляги слушали «несоветскую» джазово-саксофоническую музыку. Их кумирами были Гленн Миллер, Дюк Эллингтон, Бенни Гудмен. Именно от стиляг пошла традиция подпольной звукозаписи, получившей в народе название «музыки на костях», «музыки на ребрах» или «скелет моей бабушки». Такие пластинки нелегально нарезались на рентгеновских снимках работниками студий звукозаписи или умельцами в домашних условиях. Качество записей было, как правило, ужасное, а стоили они гораздо дороже настоящих. Позднее стали появляться катушечные магнитофоны, но в сибирских городах даже в 1960-е гг. они были большой редкостью, поэтому

магнитные записи не являлись существенным каналом проникновения музыки стиля. Значительно чаще в нашем архиве воспоминаний встречаются сведения о прослушивании музыкальных программ зарубежных радиостанций. И вообще, на провинциальном уровне связь стилиг с джазом оказалась менее тесной, чем в классическом варианте представлений о данной субкультуре.

А вот на танцплощадках сибирские стилиги, пожалуй, не уступали столичным собратьям, несмотря на бдительный контроль со стороны организаторов массовых культурных мероприятий. Правила строго предписывали не допускать «танцевать всякого рода «стили» и искажать существующую редакцию танцев... нарушать установленное положение рук партнеров при исполнении танцев»⁷. Дело в том, что даже традиционные танцы молодежь стала исполнять более стильно, «искажая существующую редакцию танцев»! Побывавший в России в 1962 г. корреспондент американского журнала «Тайм» писал: «В дансингах молодые пары очень часто исполняют польку с такими вихляющими движениями, что твист по сравнению с ней выглядит менуэтом»⁸.

Наиболее популярными танцами стилиг были буги-вуги и рок-н-ролл. Сами стилиги вспоминают: «А как мы танцевали в клубе по субботам рок-н-ролл, чарльстон, твист, вальс, танго! Вообще было классно!». Хотя и признаются: «Танцевали буги-вуги, позже твист... Правильных движений не знали, плясали, кто во что горазд»⁹.

Один из комсомольских функционеров это действо живописал в фельетоне с самоговорящим названием «За танцы без танцулек»: «В зале гремит музыка, оркестр играет вальс, а танцующих 4–5 пар. Но вот зал наполняется воем труб, мяуканьем саксофонов, раскатами барабанов и барабанчиков. И под этот шум и вой юноши и девушки стали изгибаться в нелепых движениях. А оркестр все ускорял и ускорял темп... Любой фокстрот танцуют «модернизированным» чарльстоном. Никто танцами не руководит...»¹⁰.

Реакция публики была неоднозначной. «До этого мы танцевали вальсы, польку, краковяк и другие, а тут такое! Танцевали они [стилиги. – Р.С.] очень необычно. Интересные очень у них движения были. Мы так не умели, и не стремились. Для нас все это было просто пошло. Мы танцевали по-простому, скромно»¹¹. Стилиги же, говоря языком одного из наших информаторов, «выкаблучивались на танцах, танцевали не по-нашему... Все пацаны как пацаны, а они выделялись на общем фоне как белые вороны. Вот мы их и воспитывали, даже били на танцах»¹².

Особая манера поведения

Был он Гришей, но сейчас
Носит имя Гарри...
Каждый день в обычный час
Гарри – на бульваре.

Вон, собой любуясь, встал,
На девиц глаза.
Книг давно он не читал,
Не бывал в музеях.

Я не лягу под стилиягу!

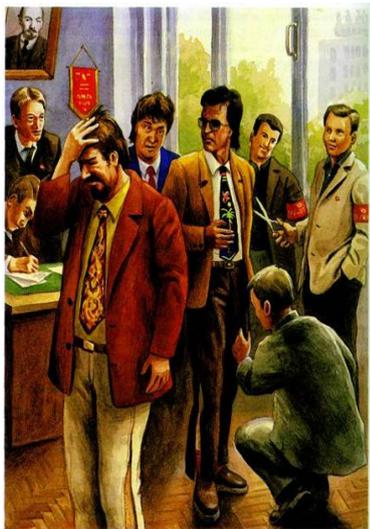
Поведенческие отличия стилияг также отмечалась респондентами, но значительно реже. В классическом образе стилияги обычно доминируют вальяжность, шарнирные фланирования (прогулки), мурлыканье джазовых мелодий, произнесение слов с особой интонацией (гнусявя, в нос), откровенные заигрывания с представительницами противоположного пола, и даже – особый взгляд. В нашем архиве воспоминаний перечисленные признаки, кроме особой походки, практически не встречаются. Возможно, они скрываются за более общими характеристиками, такими как развязное поведение, хамство, нарочитое привлечение к себе повышенного внимания.

«На мой взгляд, они отличались от простых рабочих людей громкоговорением. Также могу отметить их отношение к окружающим: вели себя пренебрежительно, на всех начихали, они видели только себя. И получали такое же отношение от народа»; «Мне не нравились такие молодые люди, т.к. я считала слишком вульгарным и совсем не симпатичным их стиль одежды, да и развязное, хамское поведение»; «К стилиягам относился я не очень хорошо, так как они выделялись из общей массы людей: у них были пальта, шляпы. Я им не завидовал, наоборот, я был рад за людей, которые добивались чего-то в этой жизни. Но они чувствовали себя особенными, мне так казалось»¹³.

Что касается «распутства» стилияг, которых считают предвестниками или пионерами сексуальной революции в стране, то эти представления являются, по меньшей мере,

преувеличенными. Возможно, некая фривольность в отношениях представителей противоположных полов и присутствовала. Но для воспитанных в духе целомудрия советских граждан неприличными казались даже объятия на улицах, а у стиляг, по мнению обывателей, «была свобода в поведении, раскованность, молодежь позволяла свободную любовь – поцелуи на улицах, объятия»¹⁴.

Образ мира и образ жизни

Низкоклонник пошлой моды
И нравов чуждых подражатель,
Глашатай западной, «свободы»
Еще немного и... предатель.

Стиляга модный,
сам голодный,
штаны узкие,
сам нерусский!

Проблематичнее оказалось понять, насколько внешний образ стиляг являлся отражением их внутреннего мира, глубинной ментальности. И вообще, был ли у стиляг свой «образ мира»? По сути, определяющий субкультуру мировоззренческий элемент оказался менее всего проявленным.

Некой общей фразой, своеобразным клише, стало утверждение, что стиляги ориентировались на Запад. Исторически стиляги появились в СССР в конце 1940-х гг. Страна с огромным трудом восстанавливалась после самой разрушительной войны, которая, с одной стороны, увенчалась Великой Победой над фашизмом и взрывом патриотизма, но, с другой стороны, опасно для советского правящего режима приоткрыло людям окно в «другой» мир. Феномен «неодекабризма» был опасен для правящего режима. Западный образ жизни становился неким ориентиром для определенной прослойки советских граждан, особенно для молодежи, а новый имидж – результатом не всегда осознанного поиска некоей новой идентичности, выстраивания нового стиля.

Не случайно именно в послевоенные годы набирает обороты политика «промывания мозгов». Не следует забывать, что появление стиляг совпало с началом холодной войны, когда тот самый Запад становился олицетворением врага. Соответственно проявление симпатий к врагу и низкопоклонство перед ним было чревато негативными последствиями. Ярлык «космополит безродный» и ставшие лозунгами фразы «Сегодня парень в бороде, а завтра где – в НКВДе», «Сегодня он играет джаз, а завтра Родину продаст» и т.п. – недвусмысленно на это намекали. С официальной, идеологической точки зрения «стиль» был не просто чуждой, но и враждебной культурой, попадающей в поле зрения силовых структур, и, прежде всего, органов Госбезопасности. Внешне безобидная, но демонстративная манера одеваться в насквозь политизированной стране, расценивались как идеологическая диверсия, результат подрывной деятельности западных спецслужб. Стремление стиляг к «красивой жизни», ориентация на Запад, выделение из «серой» массы советских людей квалифицировалось как проявление разлагающего влияния буржуазной идеологии¹⁵. Настораживало «органы» и прослушивание стилягами передач зарубежного радио, порождая опасения, что помимо музыкальных программ они могут послушаться и антисоветских «Голосов». Однако эта борьба зачастую приводила к обратному эффекту, по принципу: запретный плод – всегда сладок.

Первые стиляги были в основном детьми столичной элиты: ответственных работников, дипломатов, деятелей науки и искусства и прочих влиятельных лиц, которые не только покрывали проделки своих отпрысков, но и имели больше возможностей, по сравнению с прочими смертными, для обеспечения их стильными вещами. Затем ряды стиляг активно пополняются музыкантами и фарцовщиками, а также – примкнувшими подражателями из «разночинцев».

Сибирские стиляги примкнули к движению именно на «разночинском» его этапе. К тому времени, как семена стиляжничества проросли на далекой от столиц почве, т.е. к концу 1950-х гг., общество уже было существенно иным, чем десятилетием ранее, когда стиляги только появились на арене советской действительности. В стране сменился лидер и общий политический вектор: От Сталина – к Хрущеву, от культа личности – к его развенчанию, от жесткого тоталитаризма – к оттепели, от холодной войны – к мирному сосуществованию, от железного занавеса – к Международному фестивалю молодежи и студентов 1957 г. в Москве, от запрещения джаза как идеологической диверсии – к его, хотя и недолгой, реабилитации. За это время больше стало возможностей для проявления молодежной общественной активности, инициативы и конструктивной деятельности. Информационный и культурный голод, породивший стиляг, начал исчезать, что делало «плод» менее запретным. У молодежи появились новые идеалы, другие кумиры.

Человеком-символом XX в. стал Юрий Гагарин, простой советский парень, первым шагнувший в космос. На фоне такого эпохального события повышенное внимание к внешнему виду, фасонам одежды, специфическому проведению досуга выглядело как бессмысленное

прожигание жизни и поклонение фальшивым ценностям. Вот что по этому поводу написал немецкий журнал «Шпигель» 12 июня 1962 г.: «Затем в зале появился Юрий Гагарин, и поднялась буря аплодисментов и приветствий. И как мелки показались тогда измученные, душевно сломленные герои Ремарка по сравнению с этим молодым человеком нашего времени! Перед вами герой: пример смелости, любви к родине и партийности!»¹⁶.

И вообще, создается впечатление, что особое мировоззрение стилягам больше приписывалось сторонними наблюдателями, нежели осознанно формировалось внутри движения. *«Они [стиляги – С.Р.] как раз и не хотели быть советскими. Как все. Пытались поддерживать западный образ жизни. Ловили иностранное радио, слушали иностранную музыку, пытались ходить в рестораны на последние деньги, мечтали уехать жить в большие столичные города». «На комсомольских собраниях я их осуждала вместе со всеми. Считала их людьми с чуждой идеологией и со сломленной психикой»*¹⁷.

Сами же бывшие стиляги с высоты прожитых лет основными побудительными мотивами своего «нонконформистского» поведения называют желание раскрепоститься, модно и красиво одеться, выделиться из толпы, создать некую неформальную общность. Но, с ностальгией вспоминая годы бурной молодости, однозначно оценить свой опыт затрудняются, считая его, скорее, «болезнью роста».

*«Нравилось, было интересно, отличаться от всех, интересно было собираться на своих танцах и т.д. А вот сейчас понимаю, что это все молодость, что это все даже как-то глупо. И к тому же это вело к беспорядку. Наверное, в силу возраста пришел к такому выводу... Потом вообще все движение стало сходиться на нет, да и нас с друзьями жизнь разбрасывать начала, и, наверное, взрослеть уже начали... Прошло потом время стиляг, мы часто об этом вспоминали, сейчас правда уже некоторых и в живых нет, но память-то осталась... Иногда соберешься с ними, и начнешь вспоминать... Весело все-таки было... И дружно...»*¹⁸.

Интересной, на наш взгляд, и абсолютно не реализованной в отношении стиляг является попытка рассмотреть перечисленные выше маркеры с точки зрения функционального подхода. Между тем, определенный набор культурных функций в стиляжничестве отчетливо обозначился. Отметим наиболее рельефно проявившиеся функции.

Информационно-познавательная. Информация о стилягах просачивалась в провинцию в основном окольными путями: через рассказы о столичной жизни, действие по образцу, подпольное хождение самодельных пластинок, просмотр некоторых западных фильмов и прослушивание музыкальных программ запрещенного радио. Значимым каналом популяризации движения являлись официальные СМИ, показательные разборки стиляг на собраниях, отечественные художественные и драматургические произведения, а также многочисленные сатирические рисунки, шаржи, стихи и куплеты.

Стиляжничество зародилось в то время, когда информационные потоки жестко контролировались цензурой, и развитые медиасредства трансляции сведений из первых рук попросту отсутствовали. Поэтому познание данного феномена проживающими на территориальной периферии страны стилистами было существенно затруднено. Не случайно в нашем архиве так много разного рода сообщений забавных, а то и вовсе – из разряда казусов.

«Не скажу, что был крутым стилистом, но в силу финансовых возможностей и собственного рукоделия «перешить-перекроить» пытался им подражать»¹⁹.

«В студенческие годы стилисты были, да и сам к ним относился. Так звали молодых, которые одевались не так как все. Мы покупали широкие брюки и перешивали их в узкие (так модно было). На танцах мы всегда попадали под зоркий взгляд молодых студенток. Вообще отличительной чертой стилиста является яркая одежда, узкие брюки, лохматые волосы. Но когда пошел на флот работать, такой внешний вид запрещался, как никак военное положение обязывает форму носить... И вот сижу я дома за машинкой, шью брюки, вернее – ушиваю, стилистом же был...»²⁰.

«В это время была мода на короткие узкие брюки, и мой старший брат Валерий решил сделать себе такие из костюма, который ему купили для школы. Он ушил к низу как мог, укоротил их и отгладил. Попробовал надеть – не получилось. Позвал меня и мы вдвоем, кое-как, натянули на него эти брюки. Валера походил, посмотрел и остался очень доволен. Снимали брюки также вдвоем. Родители увидели «модернизированные» брюки, когда мы уже собрались в школу 1 сентября. Что-либо делать было уже поздно. Пришел домой брат недовольный и распорол брюки. Сказал, что в школе одноклассники осмеяли его и спрашивали, почему он надел галифе, а сапоги не надел. По своей неопытности он ушил брюки только от колен»²¹.

И все же, информация о стилистах, пусть медленно и неполно, но распространилась повсеместно, шагнув из региональных столиц в провинциальные города и даже в деревенскую глубинку.

Коммуникативная. Стилисты имели свой круг общения и особый язык, сленг. Частично обиходные слова переделывались на иностранный манер (отец – фазер, смотреть – лукать, выпивать – дринкать, деньги – манюшки, пройтись – кинуть брэк, ботинки – шузы), так же как и имена собственные (Федя – Фрэд, Миша – Майкл, Гриша – Гарри). Но запаса иностранных слов явно не хватало, потому использовались и жаргонные словечки. Сами себя стилисты называли «чуваками» и «чувихами», свои квартиры для вечеринок – «хатами», «продинамить» – означало сбежать от кавалера и т.п. На сибирском материале американизмы встречаются реже, а прочие сленговые слова использовались достаточно активно, выходя далеко за пределы сравнительно узкого круга стилиста и распространяясь преимущественно в молодежной среде. Заметно был проявлен и невербальный тип общения (особая походка, манера стоять и т.п.).

Знаково-семиотическая. Стиляжничество создало и свои символы. Их символика не имела эзотерического или мистического характера, но в основном нарочито проявлялась в знаковой маркировке атрибутивного плана: в одежде, обуви, причёске, танцевальных па.

Игровая. Были у стиляг свои роли: «крутых чуваков», возмутителей обывательского спокойствия. Был определенный сценарий. Была своя сцена. Особые места сбора стиляг были в каждом крупном городе. Они их называли Бродами (от «Бродвей»). Это улица Горького и площадь Пушкина в Москве, Невский проспект в Ленинграде, улица Куйбышевская в Самаре, Дерибасовская в Одессе, Сумская в Харькове... В Сибири тоже имелись свои Броды. Например, в Красноярске – на проспекте Мира (бывшем проспекте им. Сталина (!), от улице Дзержинского (!) до улице Перенсона. Но чаще всего местами демонстрации стиля в провинции являлись парки и танцплощадки. Показательно, что Бродами становились центральные улицы и площади городов, а «выкаблучивались» они на центральных танцевальных площадках, что подчеркивало демонстративный характер причастности к сообществу стиляг и игру на публику. Правда, вместо аплодисментов и букетов цветов, их актерство вознаграждалось осмеянием и дразнилками, а порой и рукоприкладством.

На примере стиляжничества можно также проиллюстрировать действие рекреативной, эстетической и прочих функций. Но выявление ряда культурных функций затруднено. Например, адаптационной. С позиций приспособления к социальной, и уж тем более – к природной сибирской, среде стилягам не позавидуешь. Но эта функция может быть проанализирована с точки зрения некоего социального кода вхождения в сообщество стиляг и принадлежности к их кругу. Пожалуй, наименее проявленной остается функция аксиологическая, предполагающая создание некоей системы ценностей.

В целом, стиляжничество, реконструированное по воспоминаниям обывателей, вряд ли можно назвать субкультурой в строгом смысле этого слова. В типичном образе: *«Дудки, клетчатые брюки, ботинки на толстой подошве, причёски набриолиненные стоймя, танцы стилем – буги-вуги какие-то»*²², – дается чисто атрибутивная оценка: специфически вычурная одежда и танцы стилем. Самоидентификация большинства стиляг также ограничивается перечисленными признаками. Значительно реже упоминаются особые музыкальные интересы и выраженные поведенческие отличия. Стиляга – это, прежде всего, «высочка», тот, кто «выделяется из толпы», «пижон», «не как все нормальные парни», реже – «прожигатель жизни».

Региональная специфика проявилась, во-первых, в том, что генезис стиляжничества в Сибири оказался сдвинут по временной фазе относительно столиц почти на десятилетие. А это – совсем другое время. Стиляга воспринимался уже не как «космополит безродный», «в потенции враг», «низкопоклонник», а скорее как дармоед, хулиган, тунеядец, «залетный попугай». Столичные стиляги уже давно отказались от эпатажа и, экипировавшись по последней моде, стали

«штатниками». Их практически невозможно было отличить от иностранцев. Да и многие элементы стиля дозволено вошли в повседневную жизнь, что делало протест все более бессмысленным.

Во-вторых, трансляция сведений о стилягах осуществлялась неполно, через слабые передаточные механизмы, что оборачивалось преимущественно поверхностным внешним копированием, лишенным смысловых корней и субкультурных традиций. Сибирские респонденты единогласно определили движение стиляг как подражательное. Этому не отрицают и сами бывшие провинциальные стиляги. Причем, идентичность формировалась не по образцу Запада, а в основном копировалась с более продвинутых отечественных стиляг, эпатажный облик которых не имел ничего общего с западной молодежью.

В-третьих, стиляги оказались захлестнуты волнами более поздних и мощных субкультур (битломанами, хиппи), поэтому обыденное сознание многих представителей старшего поколения сибиряков не провело резкой грани между ними и представителями других молодежных течений. Зачастую стилягами называли всех, кто чем-то выделяется, форсит, вне зависимости от того, одет ли он в брюки-дудочки, брюки-клеш или джинсы; слушает джаз или рок; танцует твист или шейк; кок у него на голове или распущенные длинные волосы, порою выкрашенные в невероятные цвета.

В результате, сибирский вариант стиляги оказался мало похожим на свой романтизированный и мифологизированный стереотип. Прослойка элиты («штатников») была очень тонкой. Абсолютно преобладали подражатели, действующих методом «перешить-перекроить». Волна подражателей захлестнула ортодоксов, нарушив чистоту и эзотеричность сообщества стиляг.

Чтобы стать субкультурой, сибирскому стиляжничеству «не хватило» главного: мировоззренческой основы, сформировавшейся системы ценностей, обособленности, оппозиционности. И все же, стиляги создали оппозицию. Не политическую. Не мировоззренческую. И даже не межпоколенную. А скорее – культурно-стилевую, отстаивая, пусть и с перегибами, порой на грани гротеска, свое право не быть безликой частицей серой массы, для которой самой привычной одеждой все еще оставалась телогрейка.

Примечания

¹ Основными интервьюерами являлись студенты Сибирского государственного технологического университета (СибГТУ, Красноярск). В приведенных по тексту цитатах сохранен оригинальный язык высказываний респондентов. В подписи указано имя и отчество, год рождения, место проживания.

² Рафикова С.А. Сибирский стиляга: неконформизм на провинциальной почве? // Родина. 2010. № 9. С. 149–152; Рафикова С.А. «По проспекту, словно манекен...». Образ стиляги глазами сибирских обывателей // Родина. 2010. № 10. С. 135–138.

³ Гуревич П.С. Субкультура // Культурология. XX век: энциклопедия. СПб., 1998. Т.2. С.236.

⁴ Левикова С.И. Молодежная субкультура: учеб. пособие. М., 2004.

⁵ Субкультура может существовать как информационная система и без своих носителей, а затем реализоваться вновь, при определенных условиях, как неосубкультура.

⁶ Омельченко Е.Л. Молодежные культуры и субкультуры. М., 2000; Ильин В.И. Быт и бытие молодежи российского мегаполиса: социальная структуризация повседневности общества потребления. СПб., 2007; Файн А.П., Лустберг А.Э. Подростковые и молодежные сообщества (культура, контркультура, субкультура). СПб., 1997; Щепанская Т.Б. Система: традиции и тексты субкультуры. М., 2004 и др.

⁷ ЦХИДНИ КК. Ф. П-17, оп.1, д.2048, л.52в-об.

⁸ РГАСПИ. Ф. М-1, оп.31, д.8, л.62.

⁹ Евгений Михайлович, 1937 г. р., Туруханск; Александр Матвеевич, 1946 г. р., Красноярск.

¹⁰ Красноярский комсомолец. 1963. 29 сентября.

¹¹ Татьяна Васильевна, 1941 г. р., Красноярск.

¹² Анатолий Михайлович, 1935 г. р., Ачинск.

¹³ Юрий Васильевич, 1939 г. р., Красноярск; Алла Васильевна, 1939 г. р., Красноярск; Юрий Николаевич, 1949 г. р., Красноярск.

¹⁴ Людмила Иосифовна, 1937 г. р., Красноярск.

¹⁵ Родина. 1992. №11/12. С.62–64.

¹⁶ РГАСПИ. Ф. М-1, оп.31, д.8, л.79.

¹⁷ Валентина Александровна, 1946 г. р., Красноярск; Галина Григорьевна, 1935 г. р., Томск.

¹⁸ Николай Ефремович, 1954 г. р., деревня Томской области.

¹⁹ Александр Матвеевич, 1946 г. р., Красноярск-Норильск-Красноярск.

²⁰ Георгий Михайлович, 1948 г. р., Красноярск, деревня Красноярского края.

²¹ Николай Иванович, 1953 г. р., Канск.

© Рафикова С. А., 2010

Статья поступила в редакцию 20 сентября 2010 года

Рафикова Светлана Анатольевна,

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории и культурологии

Сибирского государственного технологического университета (Красноярск)

e-mail: <mailto:svet4786@yandex.ru>

UDC 008:316.42

S. Rafikova

SUBCULTURE OR SIMULATION? MODS OF THE SIBERIAN PROVINCE

Abstract. The systematic, mass and protest character of the mods' movement is analysed basing on the regional data.

Key words: mods, youth subculture, the culture of everyday life, oral history, fashion history, history of Siberia

Rafikova Svetlana Anatolyevna,

Candidate of historical sciences,

Assistant Professor of national history and culture

of the Siberian State University of Technology (Krasnoyarsk)

e-mail: svet4786@yandex.ru